

Борисъ Петровичъ еще долго пропорекаетъ... Куда я рада, что ты не въ него!

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

ГЛАВА XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ виденъ издалика, и солнце утра золотило ея соломенные крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбилея; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ пографина водки и легъ спать въ избу: на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленные по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на сеномѣ, и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котель съ кашей, чтобъ нагайками поднимать ихъ. День былъ ясенъ и свѣтъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ—и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію и большой приверженности; вино, буйство, охота—ихъ единственные занятія—не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича.—Вздоръ,—сказалъ онъ, — какъ это можетъ быть?—Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, какъ баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ рассказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ *Красной Шанкой*, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха!—Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посоветоваться... видно хватъ!—Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Агуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю, — отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой, — и вы его скоро увидите!—Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ.—Ты чортъ или Гуммель,—сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услышалъ этого славнаго артиста. Агуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многіе, и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ—и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ?—О, если бы рассказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ галантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ, направо и нѣтъво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные—и въ отдаленіи снѣжи холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытая мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро — и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная—
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди

Прижаться.

Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,

Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Вольность, волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.